

В раздевалке перед тренировочным залом находились Саяма и Синдзё.

На скамейке рядом с входом Саяма переодевался в чистую рубашку.

Он воспользовался влиянием Отряда Левиафана, чтобы на некоторое время зарезервировать помещение. Практически никто не пользовался тренировочным залом в столь поздний час, потому он получил разрешение использовать его около получаса.

Синдзё сидела слева от него, вытирая Баку полотенцем.

Баку взирал на Синдзё прищуренными глазками.

— Мыло плохо пахнет? Прости.

Она горько улыбнулась и с взволнованным лицом повернулась к Саяме.

Однако на этом улыбка сошла с ее уст.

Девушка выдала вздох, позволила плечам поникнуть, и опустила голову.

И она не стала поднимать взгляд.

У меня чувство, что я сегодня вижу эту сцену не впервой, — подумал Саяма, глядя на поникшую голову Синдзё.

Мог ли он как-то донести свои мысли до Сецу или Садаме?

Его размышление неожиданно прервало невнятно сказанное слово и вздох, вырвавшийся из уст Синдзё.

— ...Прости.

— За что ты извиняешься? — спросил Саяма, удивленно наклонив голову.

Ему казалось, что он понимал, почему она извиняется. Однако...

— 2-й Гир обладает способностью, с которой мы не можем совладать, но разве есть что-то еще?

Синдзё не стала бы извиняться, касаясь дело положения, где никто ничего не мог бы сделать.

Девушка, похоже, поняла, что он хотел сказать, поэтому покачала головой.

— И это тоже, но я немного не о том. Все дело в моем вопросе Касиме-сану, от которого Ацута-сан так распалился, помнишь? — она вздохнула. — Я сказала, не подумавши. И я ничего не могла сделать после.

— Рано или поздно ты сможешь что-то сделать. Как насчет того, чтобы я привел тебя в скором времени к своему учителю?

— Э?

Синдзё подняла глаза в замешательстве, а Саяма в ответ улыбнулся.

— В «Хиба Додзё» я выучился боевым искусствам. Мой учитель оттуда был другом моего деда. Попав туда, ты непременно получишь хорошую трепку, поэтому мне следует взять подарок, чтобы поддержать тебя после.

Саяма неожиданно припомнил старые времена.

Определенно существовал некто, кому он не чета, как ни посмотри.

То был низкорослый старик, наиболее заметной особенностью которого являлся его красный правый глаз.

Интересно, в добром ли он здравии, — подумал Саяма. — Он наверняка в порядке.

В отличие от деда, тот старик каждый день бегал по горам.

— Но Хиба-сенсей порой весьма упрям, так что сомневаюсь, что он даст нам подсказку. Но держу пари, что он сможет воссоздать это Искусство Ходьбы, едва лишь услышав описание.

— Понятно, — сказала Синдзё, восхищенно кивнув.

Она вдруг повернулась к левой руке Саямы.

Тот проследил за ее взглядом до рукава белой рубашки, прикрывающего его тело.

Рана за этим рукавом почти полностью зажила.

— Сецу скоро уедет, да? — спросила Синдзё, немного прикрывая глаза.

Несмотря на неожиданность вопроса, Саяма сумел сохранить невозмутимость.

Его волновал как сам вопрос, так и тихий тон, которым она его задавала.

...Пока атмосфера не накалилась сильнее, мне нужно отвлечь ее беззаботной болтовней.

Но какую тему ему выбрать?

Ведомый чувством долга, он пытался что-нибудь придумать.

Как насчет нового блюда в столовой, арбузного рамена? Или, может, о том, как Казами легко выкинула Изумо со второго этажа, во время репетиции школьной группы? Нет, веселая тема, связанная с Синдзё Сецу, подойдет лучше. Он может ей рассказать, как сильно восхищается задницей Сецу.

...У меня так много вариантов!

— С-саяма-кун? Ты выглядишь так, будто чем-то невероятно озадачен.

— Тебе не о чем беспокоиться, Синдзё-кун. Я всегда очень тщательно все обдумываю.

— Другими словами, ты как обычно думаешь над чем-то слишком много, и в итоге выбираешь нечто странное?

У него появилось ощущение, что разговор уходит в неверное русло.

Почему это? — задумался он.

На миг Саяма решил вернуть его в правильное русло, и потому прочистил горло, чтобы произнести:

— Но я смогу видаться с Сецу-куном, даже после того, как он уедет, разве нет?

— Э?

Его вопрос заставил Синдзё вздрогнуть.

Он продолжал говорить, чтобы убедиться, что она его поняла.

— Если ты и Сецу-кун оба живете в доме, оставленном вам UCAT, я всегда смогу посетить его после тренировок.

— Т-тебе не следует этого делать, — настояла Синдзё со все еще опущенной головой.

Саяма слегка наклонил от этого голову.

— Почему ты...

Он начал говорить «решаешь это сама», но остановился.

...UCAT присматривает за близнецами Синдзё очень тщательно.

Задумавшись, не в этом ли причина, Саяма выразился иначе.

— Почему бы нам не оставить это решение за Сецу-куном?

— Это, может, и не лучший способ выразиться, но... Ты мне не доверяешь?

— Я вовсе не это хотел сказать. Если возможно, я бы хотел уважать желания самого Сецу-куна, вот и всё.

— ...

— Или ты считаешь, что я тебе не верю?

— Считаю.

— Но я верю тебе.

— Т-тогда, если я скажу, что у меня неизлечимый порок сердца, ты мне поверишь?

— Поверю.

— П-правда?!

— Да. В таком случае, я бы попросил врача научить меня превосходному массажу сердца, дабы я смог проделывать этот массаж самостоятельно.

— Почему ты тогда с таким серьёзным тоном хапаешь пальцами воздух? — воскликнула она.

Последовавшую тишину прервал вздох Синдзё.

Но, должно быть, она ощутила, что тишина возникла по ее вине, потому, продолжая вытирать Баку, девушка ее нарушила.

— Э-эм, Саяма-кун? Ты для меня очень, очень важен. Я серьёзно.

— Насколько важен?

— Больше, чем Ооширо-сан.

— По мне так это совсем не важность...

— Э, тогда, если прямо... Ты второй, после родителей, которых я никогда не знала.

— Вот как. Спасибо.

— Ах, нет. Не благодари, — Синдзё держала голову опущенной, но остановила движение полотенца. — Но, э, Саяма-кун?

— Слушаю.

Она прикусила губу, ее лицо покраснело, и она отвела взгляд.

— Я бы не хотела, чтобы ты доверял мне слишком сильно...

Саяма не спросил почему.

Синдзё оставалась молчаливой, ожидая его вопроса, но затем покачала головой.

По ее трепету Саяма понял, что она решилась.

— Помнишь, о чем я сегодня спросила Касиму-сана? — наконец спросила она. — Я спросила его, лежит ли причина, что он не может думать о себе как о человеке из 2-го Гира в том, что он кому-то лжет. Я будто бы задавала этот вопрос себе, — она перевела дух. — Я обманываю тебя, Саяма-кун.

●

На юг сквозь ночную Окутаму двигались Изумо и Казами.

Они ехали на старом черном мотоцикле «Кавасаки», рассекая ветер на своем пути в Акигаву.

Изумо сидел прямо, спокойно управляя мотоциклом, а Казами свободно цеплялась к его спине. Ни один из них не надел шлем. Их шлемы тряслись, повиснув рядом друг с другом, сбоку. Вместо этого они носили кое-что другое.

— Защитные философские камни.

Казами неожиданно глянула вниз на браслет, надетый как раз на левую руку. К нему крепился небольшой синий камушек.

— Эти философские камни прочнее шлема, но ты уверен, что мы не смешиваем работу с личной жизнью?

— Директор Цукуёми раздала их всем, так что не вижу в этом ничего плохого. И мы и вправду время от времени попадаем в заварушки.

— Их раздали для того, чтобы мы молчали о случившемся, но интересно, как поведет себя Саяма. Не в его стиле прощать кого-то просто потому, что они ему что-то дали.

— Нет, не в его, — согласился Изумо. — Впереди поворот налево.

Это был узкий угол. Казами глянула мимо широкой спины Изумо во тьму ночи впереди.

А, это угол, на котором мы всегда затормаживаем, — подумала она, наклонив тело, когда ее короткие волосы всколыхнулись вправо.

Девушка прильнула к его спине, прислушиваясь к горному ручью слева.

— Ты отвезешь меня домой?

— Конечно. Кажись, твой отец во мне души не чает.

— Две недели назад моя мама была поражена, когда вы вдвоем наелись и напились как чокнутые.

— Он бросил мне вызов, потому я не мог просто отступить. То же самое было и два года назад.

— В тот раз он пытался устранить мужчину, что, по его мнению, похитил его дочь. Он неплохо справился для организатора мероприятий.

— Ага, это закончилось совместным нокаутом, благодаря самоубийственному двойному нельсону с балкона второго этажа. Ха-ха-ха. Твой папаша — единственный обычный человек, которому удавалось меня ранить.

— Мама записала это на видео и по-прежнему нам показывает. Она добавила кантонскую песню.

— О? — ответил он, выравнивая мотоцикл.

Ветер задул ему в спину, и Казами вздохнула ему вслед.

— Мой папа видит в тебе хорошего собутыльника...

— Он, вроде, во время своих мероприятий немало пьет?

— Мне кажется, ты ему нравишься, потому что он может так пить вне своей работы.

— Так вот в чем дело? Если подумать, то мы всегда, когда пьем, разговариваем о тебе.

— Стоп. Тебя обычно нехило развозит, так что же именно ты рассказываешь? Признавайся.

— Да что там, мы расхваливаем тебя как замечательного человека, котор... ай-ай-ай! Не по хребту!

— Заткнись. Слышала я чуток ваших разговоров. Вы разговариваете о том, как долго я принимала ванну с родителями и прочее в том же духе.

— Да уж, это продолжалось до второго года средней школы, ведь так? Твой батя говорил, что ему там без тебя одиноко, так как насчет того, чтобы сделать для него фото? По идее в такой час никого не должно быть в женской бане Подсолнуха, потому... Арх! Стой, перестань! Ты собираешься превратить это в испытание философских камней, Чисато?!

Вздохнув, Казами расслабила хватку на его горле.

Она какое-то время сидела молча, глядя ему через плечо.

Впереди, она увидела ночное небо и уличные фонари, прорезающие его тут и там.

Вокруг их окутывала лесная темень, а снизу раздавался шум ручья.

Казами опустила руки с шеи Изумо и переместила их ему на грудь.

— Как думаешь, что бы случилось, сразись мы тогда в столовой? — спросила она.

— Мы бы проиграли.

— Тоже так думаешь?

— Ты видела Саяму, да? Он не стал ничего делать сам, но и не стал нас останавливать. Если лидер Пути Левиафана так поступает, он говорит нам сражаться, — сказал Изумо. — Кажись, я знаю, о чем он думает. Он думает, что нам не помешает какой-нибудь разлад, если мы собираемся чего-то добиться там, где все уже удовлетворены.

— И Синдзё не остановила его, несмотря на то, что обычно это делает. Надеюсь, с ней все хорошо. Она сказала, что пойдёт с Саямой после, но, по-моему, ее что-то беспокоит.

— Синдзё, хм? Честно говоря, в ней есть что-то, чего я никак не могу взять в толк.

— Не люблю говорить о людях за их спиной, но я тебя понимаю. Оба, Садаме и Сецу, будто все время нас избегают. Может это из-за того, что они вечно липнут к Саяме.

— В этом должна быть причина, и Саяма должен сам приблизиться к этой причине.

— Ты будто знаешь, о чем говоришь.

— А я и знаю, — сказал Изумо, кивая. — Два года назад, когда ты меня приютила, я хотел разговаривать только с тобой. Мне кажется, всегда был только один человек, который тебя по-настоящему понимает.

— Э? — промолвила Казами, но не получила никакого ответа своему возгласу.

Девушка заволновалась.

Она хотела выдать что-то о понимании его, но не смогла подобрать слов.

Вместо этого Казами свободно обняла сзади его грудь.

Она услышала, как он заговорил в ответ:

— В общем, поехали домой. Завтра — вот когда все начнется. В конце концов, мы не получили вопрос и ответ Яматы от Касимы сегодня, — проговорил он. — Мы повернем сейчас направо, чтобы пересечь гору.

Мотоцикл наклонился, и ветер переменился. Ветер, что собирался у подножья горы, обернулся ветром, ниспадающим с неба.

Казами нахмурилась от неожиданного ощущения в воздухе.

— Мы ничего толком не узнали, и вот теперь начинается дождь.

Саяма ответил Синдзё вопросом:

— И в чем же твоя ложь?

— Я должна тебе рассказать?

Ее лицо и тон наполнились оттенком страха.

Она, похоже, просила ее не торопить, поэтому Саяма проглотил свои слова.

И, наконец...

...Эти слова подойдут лучше?

— Какого рода эта ложь? — спросил он вместо этого.

Плечи Синдзё расслабились, и она будто задумалась, что ответить.

— Ну, это сложно сказать, но эта ложь позволяет мне быть с тобой.

И...

— Без этой лжи все бы смотрели на меня странно и относились ко мне, как к сокровищу. Так это всегда было с теми, кто знает о моей лжи. Потому...

— Потому тебе кажется, что я поведу себя так же?

Синдзё кивнула.

— Сецу... такой же, — сказала она.

— Ясно, — ответил он, кивнув.

...Значит, они действительно лгут.

Это нечто, с чем ему придется столкнуться.

Осознание этого факта вызвало у него вздох облегчения.

...Но какого рода эта ложь?

Задумавшись над этим, Саяма неожиданно кое-что припомнил.

— Ах да.

— Э?

Он лишь недавно обнаружил догадку, насчет лжи Синдзё.

Это отличная возможность, — подумал он. — У меня будет возможность разрешить все, касаемо «лжи» Синдзё.

— Синдзё-кун. Я бы хотел кое-что проверить. Ты не против?

— Э? Ну, ладно.

Она смотрела на него с сомнением, но все равно дала свое разрешение.

— Пожалуйста, разденься, — поручил Саяма с улыбкой.

●

— Что?!

Саяма кивнул.

— У меня есть определенный вопрос, который может быть связан с твоим обманом.

— Ч-что? ...Л-ладно. Саяма-кун, мне нужно, чтобы ты успокоился.

— Я всегда абсолютно спокоен.

— Да-да, конечно. Но прошу, сделай глубокий вдох, а затем выдох... Хорошо, теперь, перед тем, как ты начнешь вдруг что-то делать, не мог бы ты объяснить, что тебе взбрело в голову?

Саяма уверенно ответил на ее окольный вопрос.

— Синдзё Садаме-кун, на самом деле ты — Синдзё Сецу-кун, переодетый в девушку.

Едва это услышав, Синдзё на секунду сперло дыхание, но затем она помрачнела, закрыла глаза и отвернулась.

— О-ох... Да что с этим человеком не так?

— Ха-ха-ха. Незачем стесняться. Многие люди увлекаются неординарными вещами.

— Я совсем не об этом, — с все еще опущенной головой, Синдзё положила руку Саяме на плечо. — Моя ложь вовсе не так проста. И слушай внимательно: Я Садаме, и я девушка.

— Серьёзно?

— Разве не видно и так, если присмотреться?

— В таком случае, я собираюсь присмотреться.

— Э? П-постой!

Синдзё встала, чтобы попятиться, но с ее талии слетела юбка.

— Э? Когда это случилось?!

— Когда ты дала свое разрешение ранее, я расстегнул застёжку. Мой дед научил меня, как это делать.

Саяма подобрал юбку и со скамейки глянул на Синдзё.

— Ты дашь мне увидеть, не так ли?

— Стой... Подожди секундочку. Мы что, вошли в Зону Саямы?

— Это еще что за несуразица? Такой вещи не существует.

С понимающим взглядом Синдзё повернулась в сторону.

— Правду говорят, что люди никогда не осознают свою среду обитания...

— Почему ты поднимаешь философские проблемы?

— Вовсе нет.

Синдзё сжала кулаки, подняв их вверх, но неожиданно открылась рубашка и ее бюстгальтер соскользнул.

— Э? Что? Как ты это сделал?!

— Техника моего деда позволяет в мгновение ока снять всю женскую одежду. Я рад, что ты носишь бюстгальтер с передней застежкой.

— В-вот как это работает?

— Да. Снимать спереди те, что с задней застежкой, довольно проблематично, поэтому я практиковался со своим дедом. Однажды летней ночью во время моего первого года в средней школе он оделся в одни лишь боксерки и бюстгальтер с задней застежкой. Мы тренировались над этим в поте лица. ...Мы даже переплелись вместе ногами и завалились вместе на татами.

— Старик, одетый в женское нижнее белье катался по полу в обнимку с молодым парнем посреди летней ночи?..

— Хе-хе-хе. Услышав шум, примчалась Рёко, и после этого не разговаривала со мной целых три дня.

— Хватит странных историй из твоего прошлого. Не мог бы ты вернуть мне юбку?

— Разумеется. Но, сперва, ты позволишь мне увидеть?

Лицо Синдзё окаменело.

— С-саяма-кун? Эм, меня вдруг посетила мысль... Ты вообще слушал, что я говорила?

— Разумеется слушал. Но проверка превыше всего.

— Я-я тебе уже сказала! Я девушка, и моя ложь не в этом.

— Но перед этим ты дала мне разрешение.

— Ты не говорил, что собираешься делать! Я-я тебе доверяла!

Саяма кивнул.

— И я хочу, чтобы ты доверяла мне и впредь. Прежде чем я доберусь до твоей лжи, мне бы хотелось развеять в своем разуме сомнения. Мне бы хотелось тебя должным образом узреть.

— Узреть меня? — пробормотала Синдзё, и кончики ее бровей опустились. — Я п-правда могу тебе верить?

— Я хоть однажды тебя предавал?

— Если учесть неожиданные действия, на ум приходит немало.

Синдзё опустила голову, покраснела и выдала смущенный взгляд.

— Ты не будешь делать ничего странного?.. Нет, говорить это в такой ситуации бесполезно, да? Да? Потому, ну, э... — Она обняла свою грудь и расстегнутую рубашку. — Т-тебе не разрешается больше ничего снимать.

— Вот как. Значит, ты будешь определять способ, которым я буду это делать. Понятно.

Синдзё облегченно вздохнула и засунула Баку в грудной карман рубашки.

— Но как ты собираешься проверить, что я девушка? Я не собираюсь тебе больше ничего показывать.

— А раз так, моим единственным вариантом остается прикосновение.

— То есть, что-то вроде мягкого касания кончиками пальцев?

— Да, вроде хорошего решительного сжатия.

— Это совсем другое!.. Слушай. Тебе можно использовать только пальцы и ладонь, и ты можешь только трогать.

В тоне Синдзё звучала твердость, но ее шаг вперед был робким.

— И я не позволю делать подобное больше никому.

Со смущенным лицом, Синдзё подняла воротник рубашки и убрала бюстгальтер в сторону.

Грудь под ее рубашкой теперь оголилась.

Капельки пота виднелись на этих округлостях плоти, когда они поднимались вверх и вниз в такт ее плечам и дыханию.

С тем же взволнованным выражением лица она выставила свою грудь немного вперед к нему.

— Т-ты можешь теперь потрогать.

Саяма кивнул и вытянул руки.

Его правая рука мягко обняла ее за спину, щека и ухо прислонилось к ее груди, а его левая рука...

— Э? П-постой! Ты не можешь совать руку ко мне между ног!

— Но ты сама сказала, что я могу к тебе прикоснуться.

— Но...— произнесла Синдзё, пока он слушал сквозь кожу ее пульс.

— Прошу, потише. Я хочу услышать твой пульс.

То, что он слышал, оказалось чуть быстрее слышанного ранее, но, по сути, тем же самым.

Как и прежде он ощутил тепло ее тела и немного влаги на своей щеке. Сладостные вздохи

Синдзё были такими же, как и раньше.

Но в то же время они напоминали то, что он ощущал от Синдзё Сецу.

И потому он перевел свое внимание на левую руку.

Она расположилась у Синдзё между ног. Его пальцы и ладонь чувствовали определенное ощущение, теплоту, и плотность.

— Ах... Подожди...

Саяма никак не ответил на ее голос и содрогания. С термином «непоколебимость анализа» в глубине его души, он двинул правой рукой, находящейся у нее за спиной. Он подхватил ее руки, блуждающие в воздухе, и поместил их себе за спину.

— Саяма-кун...

Синдзё теперь двумя руками его обнимала. Так будет лучше всего.

Затем, он вернул внимание назад к тому, что ощущал левой рукой.

...Его там нет?

Кое-что, необходимое каждому мальчику, отсутствовало.

Саяма припомнил события в публичной бане месяц назад.

Ощущение от мягкой хватки Синдзё Сецу вернулась в его руку. Но прямо сейчас...

...Его там нет? Странно. Он должен там быть...

— Мм... П-постой! Не так сильно...

Бедра Синдзё заерзали. Она сжала ноги вместе, чтобы не дать ему больше двигать рукой.

— Э-э, Саяма-кун. Этого достаточно? Ты можешь сказать, правда?

Он услышал ее вопрос, доносящийся сквозь плоть ее груди.

К прискорбному изумлению Саямы ему придется принять неоспоримый факт: его определенно там не было.

...Не может быть. Мое предположение не должно быть ошибочным.

Он выразил свои мысли в форме вопроса:

— Синдзё-кун, кое-что странно. Но... я не могу понять, что.

— Это ты!!

Саяма пропустил это мимо ушей и продолжил размышления.

...В таком случае, в чем же ее ложь?

Он подтвердил, что Синдзё Садаме действительно девушка.

— А, не так сильно...

Но когда он проверял до этого, Синдзё Сецу определенно был парнем.

— Прошу, ты не должен этого делать. Это не нормально...

Он пришел к ошибочному выводу?

— П-прошу, убери свою руку у меня между ног... Ты вообще слушаешь?

— Хм, — промычал Саяма.

— Что значит этот стон? Ты обнаружил что-то странное? Это насчет моего тела... или насчет твоей вменяемости?

— М? Что за грубые заявления, Синдзё-кун?

— О, ты пришел в себя. В т-такое случае, ты не мог бы убрать левую руку?

Саяма глянул вперед, услышав ее нерешительный вопрос.

Его рука была зажата между ее бедер, и ее нижнее белье скользнуло немного на бок.

Увидев это, он осознал определенный факт: расследование уже завершено.

— Синдзё-кун, как долго ты планируешь держать мою руку между своих бедер? ...Гха!

— И кто ж-же, по-твоему, в этом виноват?!

— Хе... хе-хе-хе. Схватить мою руку и пнуть меня коленом? Неплохо.

Синдзё не убрала руки с его спины, потому он попытался убрать их самостоятельно.

— Нет. Ты снова попробуешь сделать что-нибудь странное. Не двигайся. Шевельнешься — снова получишь коленом.

— Успокойся, Синдзё-кун.

— С-скажи то, что меня успокоит.

— Очень хорошо, — произнес Саяма, кивая. — Как-то ночью на пути в кровать на верхнюю полку, я невольно скользнул взглядом вниз, где спал Синдзё Сецу. Я так сильно отвлекся на его зад, что весьма резко вонзил ноготь моего мизинца в лестницу.

— Ваа! Не рассказывай вещи, от которых я еще сильнее разволнуюсь!

— Вот как, — Саяма выдал вздох, на секунду задумался и сообщил свои предыдущие мысли. — Судя по всему, твоя ложь и мое подозрение — это две разные вещи.

Лицо Синдзё налилось изумлением.

— Какая невероятная проницательность с твоей стороны.

— Мне кажется, у нас с тобой недопонимание фундаментального уровня.

Саяма снова прикоснулся к ее рукам и сумел их убрать.

Парень встал и осознал, что она глядела на него с опущенной головой.

Когда он увидел ее трепещущие плечи и стройное тело, то без колебаний ее обнял.

— Ах...

— Прости, но это устранило мое недоразумение.

— У меня такое чувство, что позже неожиданно появится второе или третье недоразумение...

— Уверяю, этого не случится. ...Так, ты расскажешь мне в итоге свою ложь?

Синдзё немного сжалась, и, в конце концов, покачала головой.

— Я не хочу тебе рассказывать... Едва ты узнаешь правду, боюсь, ты меня оставишь.

— Но не рассказав, ты никогда не узнаешь, оставлю я тебя или нет.

— Но если я тебе расскажу, ты определенно узнаешь правду. Это меня пугает.

— Понимаю.

— Мне не следовало ничего говорить... Путь Левиафана уже начался, и мы зашевелились, потому я не хочу вызывать никаких разладов.

Саяма ничего не ответил, потому что не знал, в чем заключалась ее ложь.

Но она торопливо подняла голову.

Она убрала его руки и отступила на шаг.

— М-мы можем поговорить о чем-то другом?

Саяма кивнул и попытался придумать какую-то приятную тему для беседы.

Когда он обнаружил что-то подходящее, парень глянул в ее черные глаза.

— Школа, которую я посещаю, проводит небольшой фестиваль, известный, как Фестиваль Всеобщего Отдыха.

— Да... Сецу мне об этом рассказывал. Это не тот причудливый фестиваль, где людей сжигают на костре в качестве жертвоприношений? Ты уверен, что это нормально?

— Несколько разочаровывает видеть, что Сецу-кун не понял моей бесстрастной шутки. Как бы там ни было, фестиваль начнется послезавтра. Ты не хочешь прийти?

— Э? Правда?

— Правда. Наш академгородок пропускает не только учеников. И, как у сестры Сецу-куна, у тебя есть полное право на визит.

Лицо Синдзё просветлело. Но затем...

— Как насчет того, чтобы ты, Сецу-кун и я насладились фестивалем вместе? Я могу поводить вас обоих по округе.

Ее выражение лица неожиданно расстроилось.

— Э-э. Если возможно, я бы хотела, чтобы мы были только вдво...— Она запнулась, покачала головой, и опустила плечи. — Прости. Я снова едва не солгала.

— Солгала? Ты имеешь в виду, что не хочешь сходить со мной на фестиваль?

— Нет, я хочу. Но я собиралась солгать, чтобы это осуществить. — Ее ресницы опустились, и она улыбнулась. — Спасибо, но дай мне немного подумать. И... позволь мне кое-что тебе пообещать.

— Что же ты хочешь пообещать?

— Насколько возможно, я постараюсь избегать говорить тебе ненужную ложь.

Ложь, — подумал Саяма. — Скажет ли она мне когда-нибудь, что под этим подразумевает?

Сразу же после этого, боковая дверь неожиданно открылась.

— Я зашла вас проверить, потому что вы на удивление долго переодеваете одну лишь рубашку, — сказала Диана, заходя в раздевалку.

Она увидела Саяму, стоящего перед Синдзё, которая была полуголой.

Улыбающиеся щеки Дианы тут же окрасились пунцовым.

— Ох-хо-хо, батюшки мои!

Женщина поднесла правую руку к щеке.

И левой она оперативно нажала на кнопку внешнего интеркома на стене.

Кнопка активировала аварийную трансляцию по всему зданию.

— Ох, батюшки! Вы только посмотрите, чем тут занимаются этот молодой парень и девушка!

Последовала секундная пауза.

Саяма и Синдзё переглянулись, и парень кивнул. Он улыбался.

— Значит это уже официально, Синдз... гвох!

— Я не хочу, чтобы что-либо становилось официальным вот так!

Колено Синдзё заставило Саяму рухнуть на пол.

Тем временем, из интеркома прозвучало сообщение:

— Э, мы только что получили сигнал на закрытие тренировочного зала. Согласно аварийной трансляции, наши гости зашли слишком далеко. Э-э, официальный представитель уже на пути, чтобы проверить ситуацию. Э-э, прошу всех оставаться на местах и немного подождать.

Синдзё начала лихорадочно одеваться.

Ночь на западной стороне Акигавы насыщали огни некой резиденции.

Это было поместье Тамия. Раздвижные двери выплескивали наружу свет изнутри.

На большом дворе находилось пару худых белых собак, но ни одного человека.

Собаки защищали дом вместе с камерами наблюдения и сенсорами, расставленными по двору.

Псы, охраняющие вход в дом, в эту минуту приближались к одинокой цели.

В деревянные ворота яростно стучали, и женский голос восклицал:

— Эй! Кодзи! Как ты можешь не впускать свою сестру домой?!

Голос, исходящий с другой стороны врат, принадлежал Тамии Рёко, нынешней хозяйке поместья. Не зная, как поступить, собаки поблуждали немного по округе, глядя в сторону врат.

Затем они слышали за забором тихий повторяющийся шум.

Секунду позже в доме заиграла быстрая электронная мелодия.

После всплеска помех за воротами из интеркома раздался голос Кодзи.

— Прекрати так сильно звонить в дверь. Старик Нгуйен вспомнил свою вьетнамскую травму, и у него начались судороги. У него нет медицинской страховки, поэтому если так и продолжится, это приведёт к беде.

— Прости, Кодзи, я слишком увлеклась.

Из интеркома прозвучал вздох.

— Но Кодзи, — ответила Рёко, — ты не можешь выставлять меня за дверь просто потому, что мама и папа взяли спасательный круг и отправились на какие-то горячие источники.

— Я поступлю так, что бы там ни говорили мама с папой. Тот, кто во время еды трижды разливает свою чашку с водой, должен быть наказан.

— Э-это не моя вина. Это вина моего локтя.

— Ты должна подумать сейчас о трех вещах. Первая — не оправдывайся. Вторая — подумай о том, что ты натворила. И третье — стань полноценным человеком. Последнее, наверняка, недостижимо, но, может, хотя бы попытаешься?

— Э? Что? Я запуталась в этих номерах. Ты не мог бы объяснить так, чтобы я поняла?

Интерком надолго оставался молчалив.

— Э... А молодой господин смог бы это объяснить? — спросила Рёко после раздумий.

— Он бы не принял это всерьёз. Он всегда был чересчур мягок к тебе.

— Это естественная реакция. Тебе следует относиться к девушкам с заботой.

— Девушкам? Прошу прощения, но сколько тебе лет?

— Чего ты валяешь дурака? Мне 18. В следующий раз постарайся запомнить.

— Полагаю, это значит, что мне 14. Ха-ха-ха. Мне завтра вставать в среднюю школу.

— К-кодзи только что сошел с ума.

— Прости, я просто ощутил желание физически отключить этот интерком. Можно?

— Конечно. Но почему?

— Могу я воскликнуть «из-за характера моей сестры»?

— Да брось, это совсем не в твоём духе. ...А, он вправду его выключил. Кодзи!!

Когда стук по воротам возобновился, собаки переглянулись.

— Пэс!

Лидер стаи собак наострил уши.

— Пэс! Подойди на секунду!

Интересуясь, что же происходит, Пэс вышел вперед. Окружающие его собаки нервно отошли в сторону. Пэс тихо гавкнул и завилял хвостом, приблизившись к воротам.

— Открой ворота, — прошептала Рёко.

Пэс замер.

— Ты это умеешь, правда? Правда?

Пэс туда-сюда покачал головой. Когда Пэс оглянулся, группа черных собак разбежалась. По какой-то причине их хвосты и уши выглядывали из близлежащих кустов и камней.

— Ну же, скорее.

Рёко выдала несколько причудливых собакоподобных поскуливаний, и поскребла ногтями по поверхности врат.

Пэс спрятал хвост между ног и начал бесшумно пятиться.

В ту же минуту издалека раздалось два звука.

Первым был пронзительный шум мотоцикла. Вторым оказался человек, поющий в такт ускорению мотора. Его фальшивая песня разносилась вдали.

— Обжигаааающий удааааар прямо мужику в промееежноооость!

Рёко перестала тарабанить в ворота и выдала вопрос.

— А? Юкихито-кун?

Рёко обернулась к модифицированному мотоциклу, остановившемуся перед воротами.

Свет перед входом освещал мотоцикл с тремя фарами, прикрепленными к рулю.

Опиравшимся на спинку сиденья был Ацута Юкихито.

— О, Рёко. А я думал, это какой-то пьянчуга.

— Давненько не виделись, Юкихито-кун.

Ацута, одетый в белый летний плащ, приблизился, развернув мотоцикл на холостом ходу ногой.

Он носил только темные очки на голове, и повернулся к Рёко.

— Да уж, давненько. Как поживаешь?

— Да так себе. Ты просто проезжал мимо?

— Вроде того. Чем занимаешься?

— Меня не пускают в дом.

И, словно вспомнив об этом, Рёко затарабанила в дверь у себя за спиной. Ацута держал мотоцикл на холостом ходу.

— Я не могу сказать, что твой брат поступил правильно, выкинув на мороз почти тридцатилетнюю женщину, но что ты делаешь? Почему бы просто не выбить дверь?

— Я не могу. Это игра, чтобы увидеть, кто первый согнется, и правила запрещают что-либо ломать. Но если я вызываю здесь смуту, Кодзи всегда поддается и открывает ворота. Я никогда не проигрывала, — Рёко глянула на Ацуту через плечо. — Почему ты проезжаешь тут сегодня ночью?

— Да хочу выкинуть из головы кое-что неприятное.

— Ты что, проиграл в патинко? Ты всегда прогуливал уроки и играл прямо в своей форме. Но если ты выигрывал что-нибудь вкусненькое, то всегда делился со мной. Печенья, которые ты все время выигрывал, были замечательны.

— У меня нет ничего такого. Я вырос из патинко.

— Э-это совсем не тот Юкихито-кун, которого я знала!! Какой от тебя прок, если ты не приносишь печенья?!

— Не суди о людях по тому, приносят ли они тебе еду!

— Мм, — застонала Рёко. — Ну, принесешь что-нибудь в другой раз. Так что там за неприятная вещь?

— Кое-что на работе. Возможно, я немного вспылал.

— У тебя есть работа?

— Что за человеком я рисуюсь в твоих мозгах?

— Хм? Точно таким же, каким ты выглядишь. Тебе еще многое следует о себе понять. Я живу жизнью, которая идеально соответствует моему внешнему виду, — затем, она наклонила голову. — Так что у тебя за работа?

Ацута горько улыбнулся.

— Можно сказать, что я занимаюсь опасными вещами. Действительно бесполезная работа.

— Ты делаешь что-то плохое?

Ацута взглянул прямо на Рёко.

Ее брови слегка опустились, и ее голова удивленно наклонилась.

— Вот заноза, — вздохнул он. — Расслабься, дурочка. Я вовсе не тот, что в школе. Теперь я на стороне справедливости.

— Э? На стороне справедливости?.. Какая-то организация промыла тебе мозги?

— Нет чтоб сказать, что я исправился, дурочка. В общем, я просто немного напряжен из-за того, что сотрудник не прекращает говорить глупости.

— Хм. Звучит непросто. ...Но если ты на стороне справедливости, мир, должно быть, подходит к концу.

— Это уж точно. Кое-что не так и плохо, но я упиваюсь собой на грани между жизнью и смертью.

— Похоже на нашего молодого господина.

— Твоего молодого господина?

— Да, — ответила Рёко. — Я, разве, никогда его не упоминала? Он мальчик родом из семьи Саяма, которая нам помогла.

— Не припоминаю, чтобы ты о нем рассказывала.

— Это могло быть давным-давно, потому, может, ты просто забыл. Он сын Саяма Асаги-сана, единственного мужчины, которого я когда-либо любила. Еще недавно он был совсем ребенком, но в последнее время он очень вырос. ...И, похоже, его временная работа ворочает опасными вещами.

Она вздохнула.

— Его зовут Саяма Микото. Ты его знаешь?

— ...

Когда Ацута услышал это имя, выражение его лица вмиг переменилось. Его беззаботная физиономия наполнилось напряжением.

Но она продолжала говорить, и он молча слушал. Она рассказала ему, что мальчик Саяма живет теперь в школе, но все равно приходит сюда поиграть. Она так же рассказала, что он

подружился с кем-то по имени Синдзё.

— Он совсем как Асаги-сан.

Рёко улыбалась, и ее щеки зарделись.

И затем женщина вдруг кое-что осознала.

— Ой, прости. Я так разговорилась о том, кого ты даже не знаешь.

— Не переживай. ...Но это может быть опасным.

— Что опасным?

— Если работа этого Саяма Микото вроде моей, ему угрожает опасность. В конце концов, ты можешь умереть в любой момент. Я бы такого не рекомендовал.

— Ясно. Если ты работаешь в схожем месте, то можешь где-то его встретить. И если он попытается сделать что-нибудь опасное, останови его, ладно?

— Ладно, — произнес Ацута. Он отвернулся от нее, словно пытаясь с чем-то совладать. — Между тем, я буду отчаливать. Рад, что мы смогли приятно поговорить.

— Каждый разговор для меня приятен.

— Это уж точно, — он горько улыбнулся. — Скоро начнется дождь, потому постарайся проникнуть внутрь. А то поди заболеешь.

Рёко протянула руку в воздух, и небольшая капля упала ей на ладонь.

— А вот и он. Ну... Как-нибудь свидимся, Рёко.

— Пока, — сказала она, кивая.

Он крутанул педаль газа, и мотоцикл помчался вперед.

Моргнули четыре задние фары, и звук выхлопа на пару с его пением исчезли в ночи.

Оставшись одна, Рёко подняла взор в небо, и затем снова начала стучать в ворота.

— Пэс? Пэс! Ты что, убежал?! Я тебя кастрирую!!

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274840>